
УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343.24/29

УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ТОЧКА БИФУРКАЦИИ

© 2020 г. Е. А. Русскевич

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: russkevich@mail.ru

Поступила в редакцию 16.05.2019 г.

Аннотация. В статье обосновывается значимость научных исследований трансформирующего влияния информационно-коммуникационных технологий на уголовное наказание. На основе анализа объективных данных формулируется вероятностное предвидение эволюции данного уголовно-правового института в условиях цифровой реальности. Указывается, что внедрение современных информационно-коммуникационных технологий с элементами искусственного интеллекта для контроля за исполнением применяемых видов наказания будет способствовать объективности надзора за осужденными, снижению коррупционных рисков, экономии бюджетных средств, а также предупреждению десоциализации осужденных. Обосновывается, что в условиях интенсивной цифровизации жизнедеятельности и, как следствие, преступности, система наказаний должна быть дополнена специальным наказанием, заключающимся в ограничении права осужденного на цифровое присутствие в сети Интернет. В работе формулируется вывод (прогноз) о возможном внедрении в Российской Федерации цифрового рейтинга общественной благонадежности и дополнении уголовного законодательства новым видом наказания — снижением рейтинга общественной благонадежности.

Ключевые слова: уголовное право, уголовное наказание, цифровые технологии, цифровизация, киберпреступность, компьютерная преступность.

Цитирование: Русскевич Е.А. Уголовное наказание и цифровые технологии: точка бифуркации // Государство и право. 2020. № 7. С. 77–84.

DOI: 10.31857/S102694520010658-4

CRIMINAL PUNISHMENT AND DIGITAL TECHNOLOGY: BIFURCATION POINT

© 2020 Е. А. Russkevich

Kikot Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia

E-mail: russkevich@mail.ru

Received 16.05.2019

Abstract. The article substantiates the significance of the scientific study of the issues of the transforming influence of information and communication technologies on criminal punishment. Based on the analysis of objective data, a probabilistic prediction of the evolution of this criminal law institution in the digital reality is formulated. It is stated that the introduction of modern information and communication technologies with elements of artificial intelligence to monitor the execution of the types of punishment used will contribute to the objectivity of supervision of prisoners, reduce corruption risks, save budget funds, and prevent the de-socialization of convicts. It is substantiated that in the conditions of intensive digitalization of life and, as a result, crime, the domestic punishment system must be supplemented with a special punishment, which consists in restricting the right of a convicted person to a digital presence on the Internet. The paper draws a conclusion (forecast) about the possible introduction of a digital public safety rating in the Russian Federation and the addition of a new type of punishment to criminal law — a reduction in the public reliability rating.

Key words: Criminal Law, criminal punishment, digital technologies, digitalization, cybercrime, computer crime.

For citation: Russkevich, E.A. (2020). Criminal punishment and digital technology: bifurcation point // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 7, pp. 77–84.

Человеческая цивилизация постоянно подвергалась фундаментальным изменениям благодаря информации. Возникновение письменности, появление книгопечатания, а затем и первых технических средств коммуникации (телеграфа, телефона, радио и телевидения) оказали глубокое воздействие как на отдельного человека, так и на все сферы общественной жизни. Появление электронно-вычислительных машин и распространение сети Интернет ознаменовало переход человечества уже в цифровую эпоху. Современный человек стал частью информационного (цифрового) общества, в котором его повседневная жизнедеятельность все более связана с компьютерами, сетевыми ресурсами и данными.

В целях решения текущих и предупреждения возможных проблем повсеместной цифровизации государства принимают документы стратегического действия (в ФРГ — «Индустрия 4.0», в КНР — «Интернет+», в США — «Индустриальный интернет-консорциум», в Японии — «Общество 5.0», в России — «Цифровая экономика Российской Федерации»). В той или иной форме одним из направлений каждого из названных проектов является обеспечение условий для успешного внедрения и использования инновационных технологий.

Вместе с ведущими государствами Российская Федерация активно включилась в процесс формирования информационного пространства. Планируемое перспективное развитие предполагает повсеместное внедрение следующих цифровых технологий: большие данные, нейротехнологии и искусственный интеллект, системы распределённого реестра, квантовые технологии, новые производственные технологии, промышленный интернет, компоненты робототехники и сенсорики, технологии беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальности.

В соответствии с Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации

на 2017–2030 годы» государство создаёт благоприятные условия для применения информационных и коммуникационных технологий, что также предполагает комплексное совершенствование законодательства¹.

Представители юридической науки Российской Федерации реагирует на изменение роли, содержания, формы и механизма действия права в новых условиях, пытаясь осмыслить закономерности и возможные векторы трансформаций, решить актуальные проблемы юридической практики². Несмотря на значительное внимание профессионального сообщества к проблеме развития уголовного права в условиях цифровизации общества и, как следствие, преступности, закономерности эволюции института уголовного наказания остаются практически неисследованными, находясь в некотором смысле вдалеке от «столбовой дороги» многочисленных тематических форумов, конференций и семинаров³. Чем объясняется подобное

¹ См.: СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

² См., напр.: Савенков А.Н. Противодействие киберпреступности в финансово-кредитной сфере как вектор обеспечения глобальной безопасности // *Государство и право*. 2017. № 10. С. 5–18; Талапина Э.В. Право и цифровизация: вызовы и перспективы // *Журнал рос. права*. 2018. № 2. С. 5–17; Тихомиров Ю.А. Влияние цифровизации на компетенцию федеральных органов исполнительной власти // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 12. С. 90–94; Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // *Журнал рос. права*. 2018. № 9. С. 5–16; и др.

³ Такое положение представляется по меньшей мере удивительным, учитывая, что данная проблема, как заслуживающая пристального внимания отечественной науки уголовного права, выделялась учеными-криминалистами еще с середины прошлого века. М.Д. Шаргородский в своих работах неоднократно формулирует вывод, что возможности для практической юридической деятельности в области уголовного права, связанные с использованием кибернетических машин, не вызывают сомнения. Ссылаясь на работу В. Кнаппа (см.: *Knapp V.* О возможности использования кибернетических методов в праве. М., 1965), М.Д. Шаргородский обосновывает необходимость использования кибернетических методов не только для

обстоятельство? Прежде всего следует указать на традиционную вторичность проблемы пенализации. Поясним, что здесь вовсе нет попытки преуменьшить значимость института наказания в механизме уголовно-правовой охраны. Однако так уж сложилось, что фокус уголовно-правовой науки, как правило, сконцентрирован на решении вопроса «за что наказывать?», нежели на вопросе «как наказывать?». Как справедливо отмечают по этому поводу М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин, «вопрос о конструировании санкций является одним из наиболее дискуссионных и, к сожалению, наименее исследованных. При этом его сложность определяется множеством параметров не только уголовно-правового, но и уголовно-политического характера»⁴. По этой причине в современной литературе можно встретить множество исследований, посвященных разработке перспективных направлений модернизации уголовного законодательства в свете актуальных угроз компьютерной преступности исключительно в части конструирования новых составов преступлений либо цифровой модернизации имеющихся. Другой причиной является, пожалуй, то, что институт уголовного наказания сам по себе крайне консервативен. При значительных количественно-качественных колебаниях преступности система наказаний демонстрирует неизменность, способность сохранять свою структуру, значительно реагируя лишь на переломные социально-политические преобразования, сопровождаемые принятием принципиально иного уголовного законодательства. В связи с этим оформилось некое общее представление, что цифровизация уголовно-правовой сферы, конечно же, повлияет на состояние и содержание Уголовного кодекса РФ, но обойдет стороной институт наказания, оставив его практически в нетронутым виде со сложившимся комплексом традиционных проблем и противоречий. И наконец, неразработанность проблемы пенализации в эпоху цифровизации, на наш взгляд, объясняется также тем, что виртуальная сфера сама по себе характеризуется низким уровнем правительственного контроля. По этой причине реальная исполнимость неких новых видов уголовного наказания в интернет-пространстве видится как утопическая задача.

Полагаем, что эволюция уголовного наказания в период формирования цифрового общества все же заслуживает пристального внимания представителей юридической науки.

познания государства и права (накопления, систематизации и анализа эмпирических данных), но и для непосредственного руководства обществом при помощи права (см.: Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1 / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1968).

⁴ Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М., 2014. С. 166.

В подтверждение приводим несколько аргументов. Во-первых, существуют обоснованные сомнения, что цифровизация не повлияет на саму модель государственно-правового принуждения, не заставит ее меняться и подстраиваться под новые условия гиперсвязанного и гиперподключенного мира. Как справедливо отмечает по данному поводу Клаус Шваб, четвертая промышленная революция сочетает разнообразные цифровые технологии, обуславливающие беспрецедентные изменения парадигм в экономике, бизнесе, социуме и в каждой отдельной личности. Она имеет фундаментальный и глобальный характер, являясь неотъемлемой частью всех государств, экономических систем и людей⁵. Во-вторых, современные технологии потенциально могут решить многие проблемы низкой эффективности традиционных мер уголовно-правового принуждения, обеспечив тем самым не только более эффективное достижение целей наказания, но и существенную экономию бюджетных расходов на пенитенциарную систему. В-третьих, учитывая, что развитие виртуальной сферы сопровождается усилением роли т.н. цифровых прав и свобод пользователей, закономерно возникает вопрос о перспективах уголовной репрессии в этой части. И в этом смысле появление новых видов наказания, направленных на их ограничение, выступает как закономерный этап эволюционного развития уголовного права в цифровую эпоху.

Проблему трансформирующего влияния цифровых технологий на институт уголовного наказания можно представить двумя основными сценариями (вероятностными направлениями), которые, полагаем, заслуживают пристального внимания и проработки с целью обеспечения соответствия наказательной практики ожиданиям и вызовам информационного общества. В зависимости от глубины модифицирующего воздействия на уголовное наказание, с нашей точки зрения, можно выделить *умеренный* (адаптивно-линейный) сценарий эволюции наказания и *взрывной* (революционный). Умеренный сценарий цифровизации уголовного наказания предполагает поступательное внедрение информационно-коммуникационной инфраструктуры непосредственно в процесс исполнения имеющихся видов наказания в целях предупреждения десоциализации осужденных. В юридической литературе справедливо отмечается, что уголовно-исполнительная система не может оставаться в цифровой изоляции. Принимая во внимание, что тысячи осужденных отбывают наказание в виде лишения свободы в субъектах Российской Федерации, недоступных для посещения близкими, назрела необходимость в обеспечении их доступа

⁵ См.: Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2018. С. 11, 12.

к современным информационно-коммуникационным технологиям⁶. Подобные инициативы, на наш взгляд, должны получить всеобщую поддержку и по возможности скорейшую реализацию.

Адаптивно-линейный сценарий также охватывает внедрение современных информационно-коммуникационных технологий с элементами искусственного интеллекта для контроля за исполнением отдельных видов наказания. Эффективное использование таких технологий для замены процессов, которые сегодня выполняются вручную, предполагается, будет способствовать объективности надзора за осужденными, снижению коррупционных рисков, а также экономии бюджетных средств. Так, например, внедрение интеллектуальных систем в деятельность учреждений исполнения наказания позволило бы автоматизировать фиксацию допущенных осужденными нарушений установленного порядка отбывания наказания (мелкое хулиганство, хранение запрещенных предметов и др.). «Умная» программа в режиме реального времени определяла бы личность осужденного, время, место и характер допущенного нарушения, формировала на этой основе соответствующий документ и направляла для непосредственного исполнения должностному лицу. Равным образом подобная интеллектуальная система позволила бы в автоматизированном режиме принимать решения о применении мер поощрения к осужденным, характеризующимся хорошим поведением, добросовестным отношением к труду и обучению.

Нельзя не отметить, что при очевидных преимуществах цифровизации исполнения имеющих видов наказаний этот процесс сам по себе сопряжен с дополнительными трудностями и угрозами. Создание и обслуживание такой системы потребует не только финансовых затрат, но и соответствующего кадрового обеспечения, способного поддерживать ее работоспособность и защиту от вредоносного воздействия. При этом изначально необходимо учитывать, что наивысшая степень ответственного отношения к делу не исключит возможных отказов работы подобной системы. Так, например, согласно сообщению Министерства юстиции и безопасности Нидерландов, некорректное обновление прошивки вывело из строя сотни электронных браслетов слежения, используемых полицией Нидерландов. Обновление нарушило передачу данных с устройств на пункты управления, из-за чего сотрудники правоохранительных органов не смогли отслеживать местоположение подозреваемых, находящихся под

домашним арестом, и лиц, отпущенных под залог. В качестве превентивной меры многие подсудимые и осужденные, находящиеся в группе повышенного риска, были арестованы. О сбое в работе системы мониторинга были уведомлены жертвы преступлений и их родственники⁷.

Революционный сценарий трансформации уголовного наказания в условиях цифровой реальности касается изменения самой системы наказаний. Понятно, что законодательные инициативы здесь всецело зависят от программно-технической возможности обеспечить исполнение подобных наказаний, которая на современном этапе, думается, отсутствует. Вместе с тем прикладное значение науки во многом состоит в том, чтобы, выявив и оценив закономерности развития и функционирования права и государственно-правовой сферы жизни общества в условиях цифровой реальности, уже сейчас спрогнозировать состояние интересующих правовых институтов в будущем.

Следует отметить, что, осознавая необходимость ограничения цифрового присутствия лица, признанного виновным в совершении преступления с использованием информационно-коммуникационных технологий, суды в рамках действующей системы наказаний пытаются решить данную проблему путем применения положений ст. 47 УК РФ. При этом анализ конкретных решений не позволяет утверждать о единообразном подходе. Так, в судебной практике можно обнаружить факты назначения в качестве дополнительного наказания: 1) лишения права заниматься деятельностью, сопряженной с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет⁸; 2) лишения права пользования информационно-телекоммуникационной сетью Интернет⁹; 3) лишения права заниматься деятельностью, связанной с администрированием сайтов с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в т.ч. сети Интернет¹⁰; 4) лишение права заниматься деятельностью, связанной с размещением обращений и иных материалов в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть Интернет¹¹.

⁷ См.: URL: <https://www.securitylab.ru/news/499060.php> (дата обращения: 15.05.2019).

⁸ См.: Приговор Старооскольского городского суда Белгородской области от 16.10.2017 г. по делу № 1-311/2017.

⁹ См.: Приговор Хасавюртовского районного суда Республики Дагестан от 22.11.2017 г. по делу № 1-173/2017.

¹⁰ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 15.03.2018 г. № 201-АПУ18-8; Приговор Волжского районного суда Самарской области от 12.11.2018 г. по делу № 1-220/2018.

¹¹ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 28.02.2019 г. № 208-АПУ19-1.

⁶ См.: Жестеров П. В. Четвёртая промышленная революция: трансформация содержания уголовной репрессии // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. М., 2018. С. 625, 626.

Из приведенных выше решений наглядно явствует, что суды, применяя один и тот же вид наказания, устанавливают для осужденного принципиально разные по характеру репрессивного воздействия ограничения: от запрета распространения информации в общедоступных сетях до запрета на само использование таких сетей. Нетрудно представить, что последний наиболее строгий подход существенным образом умаляет общую правоспособность лица: начиная от возможности приобретения необходимых товаров онлайн и заканчивая доступом к сервисам электронного правительства. В этом нет ничего удивительного, учитывая то обстоятельство, что суды, используя ст. 47 УК РФ, изначально принятой для ограничения активности лица в физическом мире, пытаются механистически применить в виртуальной сфере. Полагаем, что в условиях интенсивной цифровизации жизнедеятельности и, как следствие, преступности, система наказаний должна быть дополнена специальным наказанием, заключающимся в *ограничении права на цифровое присутствие в сети Интернет*. Содержание такого ограничения, равно как его пределы с учетом тяжести совершенного лицом преступления, должны быть определены непосредственно в уголовном законодательстве.

Следует отметить, что проблема применения в качестве уголовного наказания ограничения на использование сети Интернет уже на протяжении длительного времени обсуждается в зарубежной литературе¹². При этом в практике судов США можно обнаружить позицию, согласно которой общий запрет на использование компьютерной техники и (или) сети Интернет в современных условиях является неуместным ввиду значительной зависимости повседневной жизни человека от объектов информационно-коммуникационной инфраструктуры. Так, в деле «Соединенные Штаты против Холма» (2003 г.) судья Дайан Вуд специально отметила, что полный запрет на использование сети Интернет «сделает жизнь любого человека исключительно сложной, учитывая, что сегодня правительство настоятельно рекомендует налогоплательщикам подавать свои декларации в электронном виде, все больше и больше коммерции осуществляется в Интернете, а огромные объемы правительственной информации передаются через веб-сайты»¹³. В связи с этим считается, что подобное ограничение может применяться в качестве уголовного наказания, но не может быть абсолютным, и должно иметь предметный характер.

¹² См., напр.: *Smith R. Criminal forfeiture and restriction-of-use orders in sentencing high tech offenders // Trends & issues in crime and criminal justice. 2004. № 286. Canberra: Australian Institute of Criminology. URL: <https://aic.gov.au/publications/tandi/tandi286> (дата обращения: 12.02.2019).*

¹³ Ibid.

Значительный интерес представляет прогнозирование эволюции уголовного наказания в аспекте развития и внедрения технологий «больших данных». Желаем мы того или нет, но цифровизация влечет беспрецедентное усиление контроля над отдельной личностью. Судя по всему, этот процесс следует принять как неизбежность. Еще несколько лет назад невозможно было представить, что обеспечение безопасности дорожного движения в основном будет обеспечиваться автоматизированными системами фиксации нарушений, а значительное количество преступлений будет раскрываться благодаря «цифровым следам», оставленным злоумышленниками. Сервисы электронного правительства, кредитно-финансовый сектор, интернет-провайдеры, операторы мобильной связи, социальные сети и многочисленные мобильные приложения ежедневно осуществляют сбор сведений об отдельном пользователе, формируя тем самым не только образ его цифрового присутствия, но и некое досье на лицо в реальном мире (законность, потребительское поведение, круг общения, интересы и др.). Логично, что с течением времени особую значимость приобретет ситуация об использовании соответствующих данных в процессе государственного контроля и управления. Наиболее известным примером использования технологий анализа Больших данных в осуществлении публично-властного контроля является система социального кредита в КНР.

В 2014 г. Правительство КНР обнародовало документ «О планировании строительства системы социального кредита (2014–2020)»¹⁴. Главной целью системы является «построение гармоничного социалистического общества». Алгоритм системы предполагает, что каждому гражданину Китая присваивается изначальный (базовый) рейтинг общественной благонадежности. Отсутствие нарушений законодательства, дисциплинированность при исполнении финансовых обязательств (при погашении кредитов, уплате налогов, алиментов, коммунальных платежей и др.), благотворительность и иная общественно полезная деятельность способствуют росту индивидуального рейтинга гражданина, что, в свою очередь, предоставляет ему преимущества в получении образования и государственных услуг, учитывается при трудоустройстве, кредитовании и даже при бронировании билетов на общественном транспорте. Напротив, снижение рейтинга влечет за собой многочисленные правоограничения: запрет на работу на государственной службе, а также в пищевой и фармацевтической промышленности, отказ в получении

¹⁴ См.: URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020/> (дата обращения: 06.03.2019).

ряда государственных услуг и социального обеспечения, невозможность получения услуг кредитных организаций, отказ в бронировании авиабилетов, мест в определенных гостиницах и ресторанах.

Эксперимент КНР был воспринят неоднозначно. Данный проект называют «цифровой диктатурой» XXI в., а саму модель селекции граждан на благонадежных и «с низкой степенью надежности» сравнивают с фашизмом. Полагаем, что отношение к использованию технологий Больших данных в осуществлении государственного контроля и управления может быть более сдержанным. Пока такой рейтинг основывается на оценке внешнего (социального) поведения лица и не посягает на неприкосновенность его частной жизни, сложно утверждать об умалении фундаментальных международно-правовых гарантий правового статуса личности. В то же время Большие данные сами по себе не имеют тоталитарного подтекста, а являются одним из проявлений гиперподключенного цифрового общества, членами которого мы уже являемся. Государственные структуры так или иначе не смогут (и вряд ли должны) игнорировать их потенциал в решении актуальных задач социального контроля.

Если допустить (а тому, как видим, есть веские основания), что в ближайшем будущем цифровой рейтинг общественной благонадежности найдет свое воплощение в России, перспективным видится дополнение уголовного законодательства новым видом наказания — *снижение рейтинга общественной благонадежности*. Очевидно, что такая форма уголовной репрессии имеет много общего с такими традиционными видами уголовного наказания как лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, а также ограничение свободы. Вместе с тем, если данные виды наказания имеют срочный характер и предполагают установление конкретных ограничений в отношении осужденного, понижение лица в рейтинге общественной благонадежности фактически представляет собой одномоментное общее ограничение субъекта в правоспособности. Учитывая всеобъемлющий характер такого ограничения, полагаем, что понижение лица в рейтинге общественной благонадежности (например, на одну, две, три категории) будет представлять собой более строгое наказание, чем лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, а также ограничение свободы.

Анализ зарубежной литературы позволяет сделать вывод о том, что научное сообщество активно прорабатывает философские, этические и правовые проблемы куда более фантастических сценариев эволюции наказания. Так, например, Ребекка Роуч останавливается на возможности применения в качестве уголовного наказания принудительного

медицинского вмешательства с целью удаления имплантированного в организм осужденного чипа, выполняющего функции современного мобильного телефона. Стремительное развитие технологий в данном направлении действительно не позволяет иронично отнестись к такой постановке проблемы. Так, подкожные чипы, которые можно использовать для оплаты покупок, в качестве пропуска или проездного, массово начали вживлять подданным Швеции. Более трех с половиной тысяч человек уже выразили желание стать обладателями таких «устройств», а многие уже успешно ими пользуются¹⁵. Рассматривая этот процесс как естественный ход эволюции человека, полагаем, что принудительное извлечение чипа будет неоправданным насилием над личностью. В то же время с точки зрения развития института уголовного наказания значительным потенциалом обладает использование таких технологий в установлении контроля над поведением осужденного.

Ребекка Роуч, опираясь на работы известных футурологов в области цифрового воспроизведения и управления разумом человека (преимущественно на исследования Ника Бострома), также анализирует проблему применения подобных технологий в аспекте исправления осужденных. Автор пишет, что при доступности технологии и необходимой вычислительной мощности можно будет ускорить работу загруженного на компьютер сознания человека. Таким образом, появится возможность менять саму проекцию времени — годы в виртуальном пространстве можно будет уравнивать часам в реальном (физическом) мире. Загрузка индивидуального сознания преступника и его ускорение позволят исполнить наказание в несколько десятков лет за считанные часы, обеспечив при этом субъективное переживание виновным всех тягот и лишений нахождения в исправительном учреждении. В результате между восходом и закатом самые опасные преступники могут вернуться с опытом отбытия полноценного наказания либо в реальный мир (если технология позволяет их переход обратно в биологический субстрат), либо в смоделированный компьютером мир (как новую форму жизни)¹⁶.

Конечно же, в современных условиях ускоренное ментальное отбывание квазилишения свободы можно причислить к неактуальным или даже надуманным проблемам. Вместе с тем в таком

¹⁵ См.: URL: <https://www.mk.ru/science/2018/06/26/zhitelyam-shvecii-nachali-massovo-vzhivlyat-chipy-pod-kozhу.html> (дата обращения: 18.04.2019).

¹⁶ См.: Roache R. How Technology Could Make “Life in Prison” a Much Longer, Tougher Sentence // Slate. 2013. URL: <https://slate.com/technology/2013/08/daniel-pelka-ariel-castro-how-life-extending-technology-could-make-a-life-sentence-tougher-and-longer.html> (дата обращения: 20.04.2019).

подходе, на наш взгляд, есть неоправданное пренебрежение объективно развивающимися процессами. Радикальные изменения технологий происходят на наших глазах. Вчерашние фантастические проекты отдельных ученых сегодня становятся реальным предметом работы инновационных компаний, а уже завтра обыденным явлением, без которого становится невозможной жизнь отдельного человека. Так было с персональными компьютерами и Интернетом, и то же самое может произойти с технологиями цифрового воспроизведения и управления разумом человека.

Развитие и внедрение цифровых технологий связаны с высоким уровнем неопределенности. Это означает, что мы не имеем четкого представления, как в условиях четвертой промышленной революции будет трансформироваться не только уголовное наказание, но и уголовное право в целом. В свою очередь, сама сложность процесса цифровизации уголовно-правовой сферы предполагает повышенную ответственность научного сообщества, которое должно обеспечить надлежащий уровень осмысления формирующихся тенденций.

* * *

Предпринятая в данной статье попытка предсказать развитие системы наказаний в Российской Федерации, конечно же, не претендует на абсолютность, носит субъективный, а значит, и вероятностный характер. Вместе с тем, не вызывает сомнений, что совместные усилия философов, социологов, специалистов в сфере высоких технологий и юристов дадут возможность получения достаточно точного прогноза эволюции уголовного наказания в условиях цифровизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабеев М.М., Пудовочкин Ю.Е.* Проблемы российской уголовной политики. М., 2014. С. 166.
2. *Жестеров П.В.* Четвёртая промышленная революция: трансформация содержания уголовной репрессии // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. М., 2018. С. 625, 626.
3. *Кнапп В.* О возможности использования кибернетических методов в праве. М., 1965.
4. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1 / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1968.
5. *Савенков А.Н.* Противодействие киберпреступности в финансово-кредитной сфере как вектор обеспечения глобальной безопасности // Государство и право. 2017. № 10. С. 5–18.

6. *Талапина Э.В.* Право и цифровизация: вызовы и перспективы // Журнал рос. права. 2018. № 2. С. 5–17.
7. *Тухомиров Ю.А.* Влияние цифровизации на компетенцию федеральных органов исполнительной власти // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 12. С. 90–94.
8. *Хабриева Т.Я.* Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал рос. права. 2018. № 9. С. 5–16.
9. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М., 2018. С. 11, 12.
10. *Roache R.* How Technology Could Make “Life in Prison” a Much Longer, Tougher Sentence // Slate. 2013. URL: <https://slate.com/technology/2013/08/daniel-pelka-ariel-castro-how-life-extending-technology-could-make-a-life-sentence-tougher-and-longer.html> (дата обращения: 20.04.2019).
11. *Smith R.* Criminal forfeiture and restriction-of-use orders in sentencing high tech offenders // Trends & issues in crime and criminal justice. 2004. № . 286. Canberra: Australian Institute of Criminology. URL: <https://aic.gov.au/publications/tandi/tandi286> (дата обращения: 12.02.2019).

REFERENCES

1. *Babaev M.M., Pudovochkin Yu. E.* Problems of the Russian criminal policy. M., 2014 (in Russ.).
2. *Zhesterov P.V.* The Fourth Industrial Revolution: Transformation of the Content of Criminal Repression // Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century: Proceedings of the XV International Scientific Practical Conference. M., 2018. P. 625, 626 (in Russ.).
3. *Knapp V.* On the possibility of using cybernetic methods in law. M., 1965 (in Russ.).
4. The course of the Soviet criminal law (Part General). Vol. 1 / ed. N.A. Belyaev, M.D. Shargorodsky. L., 1968 (in Russ.).
5. *Savenkov A.N.* Counteraction of cybercrime in the financial and credit sphere as a vector of ensuring global security // State and Law. 2017. No. 10. P. 5–18 (in Russ.).
6. *Talapina E.V.* Law and Digitalization: Challenges and Perspectives // Journal of Russ. Law. 2018. No. 2. P. 5–17 (in Russ.).
7. *Tikhomirov Yu. A.* The influence of digitalization on the competence of federal executive bodies // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. No. 12. P. 90–94 (in Russ.).
8. *Khabrieva T. Ya.* Law before the challenges of digital reality // Journal of Russ. law. 2018. No. 9. P. 5–16 (in Russ.).

9. *Schwab K.* The Fourth Industrial Revolution / transl. from English. М., 2018 (in Russ.).
10. *Roache R.* How Technology Could Make “Life in Prison” a Much Longer, Tougher Sentence // *Slate*. 2013. URL: <https://slate.com/technology/2013/08/daniel-pelka-ariel-castro-how-life-extending-technology-could-make-a-life-sentence-tougher-and-longer.html> (accessed: 20.04.2019).
11. *Smith R.* Criminal forfeiture and restriction-of-use orders in sentencing high tech offenders // *Trends & issues in crime and criminal justice*. 2004. № 286. Canberra: Australian Institute of Criminology. URL: <https://aic.gov.au/publications/tandi/tandi286> (accessed: 12.02.2019).

Сведения об авторе

РУССКЕВИЧ Евгений Александрович —

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя; 117437 г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Authors' information

RUSKEVICH Evgeny A. —

PhD in Law, associate Professor of the Department of Criminal Law of Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 12 Akademika Volgina str., 117437 Moscow, Russia